

Наталья ГВЕЛЕСИАНИ

ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР НАЗВАНА М. ГОРЬКИМ

Главная причина поражения социализма в СССР давно названа М. Горьким — ее глашатаем и ее же критиком, автором «Песни о Буревестнике».

Все, о чем ярко и точно писал А. М. Горький в 1918 году в своих «Несовременных мыслях», сбылось.

Сбылось то, что, если следовать учению К. Маркса, а не Ленина (которого Горький называет не коммунистом, а анархо-синдикалистом), в такой отсталой стране, как Россия, в начале XX века еще не созрели условия для социалистической революции. А следовательно, и построить так называемый «социализм» можно было только на костях людей, а потом устроить «железный занавес», поместив народ во внушенную искусственную реальность, где люди, не поддающиеся гипнозу властей или даже просто имевшие задатки самостоятельного мышления (последние, видимо, просто по причине страха властей перед их потенциальным прозрением), попадали в ГУЛАГ.

Причем все это произошло по причине привычки народа, а также его вождей — к многовековому рабству. Как пишет Горький: «Живя среди отравлявших душу безобразий старого режима, среди анархии, рожденной им, видя, как безграничны пределы власти авантюристов, которые правили нами, мы — естественно и неизбежно — заразились всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами».

Тем самым подлинная революция, подлинный социализм, базирующиеся на единстве материальных и духовных преобразований, несущие освобождение от мертвящего груза всего ветхого, державшегося на эксплуатации человека человеком с помощью насилия, были только дискредитированы. А страна после несвоевременного рывка вперед, оплаченного колоссальными жертвами, отброшена назад. Хотя и немало преуспела в рамках искусственно созданной реальности.

Наталья Александровна Гвелесиани родилась в 1967 году. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику. Лауреат литературной премии им. Марка Алданова (за повесть «Уходящие тихо» — Новый журнал, 2007, № 247). Публиковалась также в журналах «Нева» (роман «Мой маленький Советский Союз» — в сокращении, отрывок романа «Сказка о Радуге» под названием «Сказка о Гайдаре»), «Футурум АРТ», «Новая реальность». Автор книг «Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)» (Ставрополь: Ставролит, 2013), «Выход Алисы из Зазеркалья» (серия «Психология») (М.: Велигор, 2015). «Мой маленький Советский Союз» — полная авторская версия (М.: Рипол-Классик, 2016). Живет в Тбилиси (Грузия).

Наш социализм был не настоящим.

Но это и обнадеживает.

Значит, настоящий — еще впереди.

Когда-нибудь в мировом масштабе до него созреют условия.

И это возможно лишь при революции в области духа.

Причем такую будущую революцию должна, по Горькому, возглавить передовая интеллигенция. То есть тот класс, который на протяжении веков боролся за освобождение человека от всего низменного в первую очередь в области духа, а не только материи.

Также для такой революции необходима религия — новая религия. Причем образом лидера такой религии Горький считал Иисуса Христа как носителя качеств Прометея. (Не проговаривая этого прямо, а как бы переадресовав данный вывод читателю.) Человек должен родиться заново и родить нового Бога. Который, по-видимому, и есть воскресший внутри Христос. (Об этом у Горького есть статья «Разрушение личности» и повесть «Исповедь».)

М. Горький — из сборника «Несовременные мысли» (1918 г.):

В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников. От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он — передовой отряд революции, и он первый будет истреблен в гражданской войне. А если будет разбит и уничтожен рабочий класс, значит, будут уничтожены лучшие силы и надежды страны. Вот, я и говорю, обращаясь к рабочим, сознающим свою культурную роль в стране: политически грамотный пролетарий должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству. Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение; направляя его за пределы разума, они создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны. Мне безразлично, как меня назовут за это мое мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы рабочего класса и России — не безразличны для меня. И пока я могу, я буду твердить русскому пролетариату:

— Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!

.....

Истинная суть и смысл культуры — в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его. Нужно научиться хоть немножко любить человека, такого, каков он есть, и нужно страстно любить человека, каким он будет. Сейчас человек измотался, замучился, на тысячу кусков разрывается сердце его от тоски, злости, разочарований, отчаяния; замучился человек и сам себе жалок, неприятен, противен. Некоторые, скрывая свою боль из ложного стыда, все еще форсят, орут, скандалят, притворяясь сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали. Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас? Только вера в самих себя и ничто иное. Нам необходимо кое-что вспомнить, мы слишком много забыли в драке за власть и кусок хлеба. Надо вспомнить, что социализм — научная истина, что нас к нему ведет вся история развития человечества, что он является совершенно естественной стадией политико-экономической эволюции человеческого общества, надо быть уверенными в его осуществлении, уверенность успокоит нас. Рабочий не должен забывать идеалистическое начало социализма, — он только тогда уверенно почувствует себя и апостолом новой истины, и мощным бойцом за торжество ее, когда вспомнит, что со-

циализм необходим и спасителен не для одних трудящихся, но что он освобождает все классы, все человечество из ржавых цепей старой, больной, изолгавшейся, самое себя отрицающей культуры. Цензовые классы не принимают социализма, не чувствуют в нем свободы, красоты, не представляют себе, как высоко он может поднять личность и ее творчество. А многие рабочие понимают это? Для большинства их социализм — только экономическое учение, построенное на эгоизме рабочего класса, так же как другие общественные учения строятся на эгоизме собственников.

В борьбе за классовое не следует отмечать общечеловеческое стремление к лучшему. Истинное чувствование культуры, истинное понимание ее возможно только при органическом отвращении ко всему жестокому, грубому, подлому как в себе самом, так и вне себя. Вы пробуете воспитать в себе это отвращение?

И да, да, и еще раз тысячу раз да! Как прав был Горький, когда-то написавший:

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую.

По Горькому, убийство подлинного революционера-идеалиста мнимыми революционерами — это огромное преступление перед той же Революцией, которая должна быть с большой буквы.

Об этом писатель написал предельно убедительно:

На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: «Я не признаю Советской власти!» Не говоря о том, что людей, которые не признают авторитета власти комиссаров, найдется в России десятки миллионов и что всех этих людей невозможно истребить, я нахожу полезным напомнить строгим, но не умным судьям о том, откуда явился этот честный юноша, столь нелепо — сурово осужденный ими. Этот юноша — плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося, с опасностью для свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма. Этот юноша — духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему врагу. Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге и на костях которых мы ныне собираемся строить новую Россию. Это — романтик, идеалист, которому органически противна «реальная политика» насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных — по их же сознанию — жуликами и шарлатанами. Чтобы воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовались огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы. И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он, — как это и следует, — не может и не хочет признавать власть, попирающую свободу.

Позже эмигрировавший в Италию Горький все-таки вернулся в СССР. И активно включиться в строительство молодой страны на культурном фронте.

В литературе, посвященной этому периоду жизни А. М. Горького, можно прочесть, что Сталину удалось поместить Горького в иллюзорную действительность, иллюзорность, которой тот, возможно, не осознал до конца жизни. Это действительность, полная нешуточных успехов в самых разных областях, умиляла писателя-гуманиста до слез. Поэтому он пересмотрел свои несвоевременные мысли.

Но логичней предположить, что обладавший недюжинным критическим умом Горький все осознал, но все равно вернулся в СССР, как Штирлиц в тыл врага. Чтобы бороться с псевдореволюционерами культурными методами.

А основа его методов была одна — призыв к человеку стать Человеком с большой буквы. Ведь в стране к тому времени народилось немало людей с новым сознанием, свято верящих не только в вождей, но и в коммунистические идеалы. Их деяния действительно вызывали у Горького неподдельный восторг.

Большевики старательно взращивали эти молодые умы, выковывали их сильные характеры для поддержания собственной власти.

Однако, не осознавая того, власти взращивали тех, кто шел против логики двойной морали. То есть своих потенциальных критиков и могильщиков. (Впрочем, недремлющее око НКВД было всегда начеку.)

Тех, кто, осознав наличие двойных стандартов, всю их мерзость и пагубность, смог бы проанализировать ошибки отцов и... продолжить (начать?) строительство социализма с новой, чистой страницы. Как это отчасти и произошло в дальнейшем во время хрущевской «оттепели».

Думается, что Горький делал ставку именно на такой разворот будущего.

Но увы, то, что могло бы сбыться, не сбылось. Не было доведено до победного конца, До действительного торжества действительного социалистического гуманизма.

И не сбылось во многом в силу привычки нашего народа создавать себе кумиров и отдавать им безраздельную власть. Думать не своей, а чужими головами — головами своих идейных лидеров.

Парадоксально, но СССР на протяжении всей своей семидесятилетней истории действительно добился больших успехов. Поскольку людей с большой буквы, выросших в новых условиях, появилось немало. Эти успехи и были возможны потому, что были эти светлые, не знающие закулисья власти люди. Свято верящие в коммунистические идеалы.

НО ТЕМ И СТРАШНЕЙ БЫЛО ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ, когда во времена горбачевской перестройки они все-таки узнали о массовом нарушении морали и законности советской властью на протяжении всей ее истории. Когда столкнулись с предательством своих идеалов, причем изначальным.

Параллельно с появлением нового человека, взлетом культуры шел, как всегда, мещанин-собственник.

И этот мещанин в итоге и победил.

Потому что власть с самого начала, с ленинской поры и до брежневской, проповедуя коммунистические нравственность и социалистическую законность, на деле нарушала эти принципы.

Поскольку сама до них не доросла.

У Горького этот корень проблем большевизма проанализирован с привлечением многочисленных фактов.

Когда страх перед сталинской «законностью» перестал поддерживать социалистическую идеологию, то она начала отмирать, поглощаясь чисто мещанскими, мелкобуржуазными интересами. Причем эти интересы захлестнули буквально все слои населения, не исключая высшие власти. Культ власти, культ накопительства, культ массовой культуры, культ ширпотребности...

Вера в идеалы, духовная чистота все больше выхолащивались.

Потому что, как пятна гнили, повсюду проступала двойная мораль.

Которая такой и была изначально — двойной.

А не двойной она быть не могла.

Поскольку экономические условия, сознательность, культура в стране, не прошедшей после Февральской революции через буржуазно-демократические реформы, еще не созрели для того, чтобы основная масса рабочих и крестьян действительно хотела бы строить социализм.

Основная масса крестьянства, которого было большинство, пошло на коллективизацию под, мягко говоря, нажимом властей.

Конечно же, в результате этого ценой колоссальных человеческих жертв появилось немало замечательных колхозов. Но многие колхозники оказались не особо идейными и желали всеми правдами и неправдами переехать в город. Ведь не особо идейные люди стремятся к новым возможностям в области материального благосостояния. Большинство на деле хотело простого материального изобилия, хотело расширения собственного производства. Одним словом — желало собственности, хоть это желание и было табуированным.

Наверное, можно бы было найти выход из этой тупиковой ситуации.

Он был бы найден, если бы с самого начала коммунисты были бы людьми с большой буквы и честно говорили народу все как оно есть. И делали ставку на Честь, Совесть, Справедливость. Тогда бы люди поняли их. И поверили не допускающим двойной морали. И, возможно, тогда бы это был действительно невиданный взлет возможностей Человека, в первую очередь духовных.

Коммунисты должны были воспитывать темную народную массу собственным примером. Они должны были бы быть действительно похожими на тех честных и справедливых революционеров и строителей нового быта, какие были изображены в действительно прекрасных книгах писателей-соцреалистов.

У них же была двойная мораль.

Они просто преследовали и уничтожали несогласных, как делал до них царский режим.

Прекрасные советские искусство и литература в их лучших образцах стали для таких «коммунистов» лучшим разоблачающим зеркалом, в которое они просто не достойны были посмотреться.

Увы, даже некоторые авторы этих прекрасных произведений тоже не смогли бы с чистой совестью глядеть в это чистое зеркало. Потому что их же слова разоблачали их дела. Да и обстановка давления на них не способствовала единству слова и дела.

Приведу в заключение некоторые отрывки о двух типах революционеров из горьковских «Несвоевременных мыслей».

Это прекрасная анализ разницы между черным и белым.

Потому что красных в итоге победили не белые.

Черные, говоря образно, просто еще недоросли, чтобы играть белыми.

Наблюдая работу революционеров наших дней, ясно различаешь два типа: один — так сказать, вечный революционер, другой — революционер на время, на сей день.

Первый, воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей,двигающих человечество к совершенству, и эти идеи воплощены не только в разуме его, но и в чувствах, даже в области подсознательного. Он — живое, трепетное звено бесконечной цепи динамических идей, и при любом социальном строе он, всей совокупностью своих чувств и мнений, принужден на всю жизнь оставаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего — лучшее. Он жарко любит вечно юную истину, но не на столько чувственно и физически, чтобы вбивать ее кулаком в сердце и головы людей, которые поработены мертвой правдой прошлого или неизлечимо влюблены в отжившее. Вообще же люди для него — неисчерпаемая живая, нервная сила, вечно творящая новые ощущения, мысли, идеи, вещи, формы быта. Он хотел

бы оживить, одухотворить весь мозг мира, сколько его имеется в черепах всех людей земли, но, преследуя эту его единственную и действительно революционную цель, он не способен прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия. Он твердо знает, что, по верному слову одного из замечательных русских мыслителей, «ужас истории и величайшее ее несчастье заключается в том, что человек жестоко оскорблен», — оскорблен природой, которая, создав его, бросила в пустыню мира зверем среди зверей, предоставив ему для развития и совершенствования те же условия, как и всякому другому зверю; оскорблен богами, которых он, в страхе и радости пред силами природы, создал слишком поспешно, неумело и слишком «по образу и подобию своему»; бесконечно оскорблен хитрым или сильным ближним и — всего горше — самим собою, своими колебаниями между древним зверем и новым человеком. Но у революционера вечного нет чувства личной обиды на людей, он всегда умеет встать выше личного и побороть в себе мелкое, злое желание мести людям за пытки и муки, нанесенные ему. Его идеал — человек, физически сильный, красивый зверь, но эта красота физическая — в полной гармонии с духовной мощью и красотой. Человеческое — это духовное, то, что создано разумом, из разума — наука, искусство и смутно ощущаемое все большим количеством людей сознание единства их целей, интересов. Вечный революционер стремится всеми силами духа своего углубить и расширить это сознание, чтобы оно охватило все человечество и, расширив и разрушив все, дробящее людей на расы, нации и классы, создало в мире единую семью работников-хозяев, создающих все сокровища и радости жизни для себя. Изменения социальных условий бытия к лучшему для вечного революционера — только ступень бесконечной лестницы, возводящей человечество на должную высоту, и он не забывает, что именно в этом — смысл исторического процесса, в котором он лично является одною из бесчисленных необходимостей. Вечный революционер — это дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человечества, это — или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающий тихим, иногда почти невидимым огнем, освещая пути к будущему.

Революционер на время, для сего дня, — человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается консерватором, являя собою печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей. Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его. Идеи, принятые им только в разум, но не вросшие в душу его, находятся в прямом и непримиримом противоречии с его деяниями, его приемы борьбы с врагом те же самые, что применялись врагами к нему, иных приемов он не вмещает в себе. Вzbунтовавшийся на время раб карающего, мстительного бога, он не чувствует красоты бога милосердия, всепрощения и радости. Не ощущая своей органической связи с прошлым мира, он считает себя совершенно освобожденным, но внутренне скован тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов, опутан густой сетью мелких, обидных впечатлений, подняться над которыми у него нет сил. Навыки его мысли поощают его искать в жизни и в человеке прежде всего явления и черты отрицательные; в глубине души он исполнен презрения к человеку, ради которого однажды или стократно пострадал, но который сам слишком много страдает для того, чтобы заметить или оценить мучения другого. Стремясь изменить внешние формы социального бытия, революционер сего дня не в состоянии наполнить новые формы новым содержанием и вносит в них те же чувства, против которых боролся. Если бы — чудом

или насилием — ему удалось создать новый быт, он первый почувствовал бы себя чуждым и одиноким в атмосфере этого быта, ибо, в сущности своей, он не социалист, даже не пресоциалист, а — индивидуалист. Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов человека, тогда как революционер сего дня далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми. Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стеснясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа. Это — холодный фанатик, аскет, он оскোпляет творческую силу революционной идеи и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем. Может быть, его заслуга в том, что, разбудив в человеческой массе древнего жестокого зверя, он этим приблизил смерть звериного начала? Жестокость утомляет и может, наконец, внушить органическое отвращение к ней, а в этом отвращении — ее гибель. Мы, кажется, начинаем воспитывать в себе именно физиологическое отвращение ко всему кровавому, жестокому, грязному — нужно, чтобы это отвращение росло, чтобы оно стало идиосинкразией большинства.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Борис Петров. Граф за три копейки: сборник рассказов. М.: Дикси пресс, 2018. — 144 с. — (Серия «Современная новелла»).

Реализм, лирика, фантазмагории, сюрреализм, жестокость и нежность. И всегда неожиданный и непредсказуемый финал, иногда открытый, тогда читателю самому предстоит выбрать вариант развязки сюжета. Двадцать один рассказ, и в каждом за внешним ходом событий скрытое «подводное течение». Забавное и смешное может обернуться маленькой трагедией, как в рассказе «Попугай», где три юных лоботряса (два юноши и девушка) начинают подражать взъерошенному, пыжащемуся на жердочке попугаю, полагая, что пыжиться — значит быть уверенным, проникнутым чувством собственного величия. Меняются роли: в процессе игрищ самоуверенный инициатор оказывается в подчинении своих нерешительных друзей. Игру прерывает смерть попугая. Пыжится, величие, смерть — выстраивается многозначная логическая цепочка. Иногда страшное оборачивается смешным, как в рассказе «Ошибка», где герой, услышав утром звонки в домофон, бежит из своей квартиры через черный ход, спасаясь от неминуемого ареста, — накануне коллега сказал, что о нем вчера спрашивали. И вот он в электричке. «Он еще долго трясся, пока грубые, но добрые люди не уняли слегка страх горькой водкой, и он не решился включить айфон. Только тогда жена, прилетевшая рано утром с курорта, смогла прозвониться и закричать, что он свинья — не встретил их, хоть и обещал: наверняка пил и мотался по бабам; а если уходишь из дому, то хоть ключи оставь у соседей, потому что она с детьми никак не могла попасть утром домой, топталась у подъезда, как дура, и слушала, как кто-то тяжело сопит в домофон». Каждый рассказ — это тончайший психологический этюд. В них мужественные герои могут оказаться мелкими рвачами, а зануды стать великими путешественниками, женщины — бросить благополучный быт и сбежать от мужей в «манящую даль», в экзотические страны или даже в ссылку с любимым человеком, чью блистательную судьбу сломала доношительская «рецензия» ревнивого мужа. Страшноватым сюрреализмом в духе Сальвадора Дали